

С той сечи пагубной, как предок одичалый
Отведал некогда французской крови алой.

Тварь неразумная, где взяли эти псы
Ум человеческий в столь грозные часы,
485 Когда природа вся становится бесчинной,
Когда в агонии прощается с личиной,
Когда голодный люд уже на все готов,
И осажденный град съедает верных псов,
Когда ведут бои у вздутой конской туши,
490 Когда за требуху отдать готовы души?
Сих павших лошадей, которых сап свалил
И голод доконал, лишив последних сил,
Ногтями люди рвут, обгладывая кожи,
Сгрызают все с костей, что только в пищу гоже.

495 А этим ужасам не хочет верить взор,
Подобное наш дух отверг с давнишних пор,
Но злодеянням сим мы были очевидцы,
Где мать уже не мать — подобие волчицы¹³.
В осадах тягостных, которым нет конца,
500 С любовью, с жалостью прощаются сердца.
Берет из зыбки мать младенца и некстати
Срывает пелены с несчастного дитяти
Рукой безжалостной, не знающей препон,
Дабы скорей попрасть природу и закон.
505 Достойна жалости терзаемая голодом,
Без сожаленья рвет все узы с малым чадом,
Благоутробную к невинному любовь,
Плоть чрева своего, его живую кровь,